

УДК 343

Правильное определение моральной и социально-правовой природы коррупции, ее признаков и форм отражения в действительности – основная юридическая предпосылка успешной антикоррупционной деятельности

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Комиссаров А.Е.

Аспирант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В работе анализируются понятие и признаки коррупции, которые дает законодатель в Федеральном законе от 25.12.2008 г. «О противодействии коррупции» и в ряде других подобных законов стран «ближнего зарубежья», делается попытка выделить и обосновать перечень необходимых признаков, характеризующих специфику этого явления в обществе, и их отражение в коррупционных правонарушениях (преступлениях). Авторы предлагают свое определение коррупции и обосновывают правильность ее конструкции. При этом выделяются понятия «собственно коррупции» или «коррупции в буквальном ее смысле» («должностная коррупция») и «коррупции в частном секторе», имеющие неравнозначное влияние на общество.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные правонарушения (преступления), должностное лицо, использование служебного положения и связанных с ним возможностей, имущественная выгода, явление (положение), организованная преступность, закон, система, противодействие, борьба, предупреждение, совершенствование законодательства и др.

*Если подорван организм власти отсутствием элементарной этики, то система будет деградировать до полной гибели.
Б. Грасиан*

В преамбуле «Конвенции ООН 2003 г. против коррупции» было сказано, что коррупция представляет собой социально негативное **явление**, которое серьезно угрожает стабильности и безопасности общества, подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость, наносит ущерб устойчивому развитию и порядку, тесно связана с организованной и экономической преступностью, превратилась в **транснациональное явление**, которое затрагивает общество и экономику всех стран.

Исходя из сказанного, можно сделать выводы, имеющие существенное значение для характеристики коррупции как вполне определенного предмета исследования:

Во-первых, **коррупция** – это **явление**, которое в условиях глобализации рыночных отношений стало **«транснациональным»**, более того – **международным**, поскольку «затрагивает общество и экономику всех стран». Как «явление» она есть «выражение сущности» предмета или непосредственной формы его существования [1, с. 916] и реализуется в «ви-

димый образ вещей», в соответствующее «истинное предметное понимание» [1], каковым становится и существует как некая воплощенная действительность в виде коррупционных правонарушений (преступлений);

Во-вторых, **коррупция** – это **особо негативное социальное явление**, которое самим фактом своего существования и объективной реализации в виде коррупционной преступности «серьезно угрожает стабильности и безопасности общества, подрывает демократические институты и ценности, ... наносит ущерб устойчивому развитию и порядку»;

В-третьих, **коррупция**, проявляющаяся в коррупционной преступности, имеет **самую тесную связь «с организованной и экономической преступностью**, среди которых первая обеспечивает жизнеспособность коррупционной системы, защиту теневых доходов от коррупционной и связанной с нею организованной преступной деятельности, а вторая служит источником преступных доходов и (или) определенным видом коррупционной деятельности;

В-четвертых, **любая коррупция и любые ее проявления в объективной реальности** являются **аморальным** явлением, действием или деятельностью, поскольку «подрывают... **этические ценности и справедливость**»;

В-пятых, говоря об угрозе коррупции в ее наиболее опасной форме реализации в объективной действительности – коррупционной преступности, «стабильности и безопасности общества», о возможности подрывать «демократические институты и ценности», наносить «ущерб устойчивому развитию и порядку», о способности затрагивать «общество и экономику всех стран», о тесной связи «с организованной, экономической и другими видами преступности», вообще с национальной и транснациональной преступностью, международное сообщество тем самым признает **системный и сетевой характер** коррупции и ее внешних, непосредственных форм существования.

К сожалению, ни в «Конвенции ООН 2003 г. против коррупции», ни в других общепризнанных международных правовых актах не дается определения коррупции или коррупционного правонарушения (преступления), не проводится между ними различие, что затрудняет успешную системную антикоррупционную деятельность как в масштабах отдельных стран, так и в масштабах международного сообщества. Зато в отдельных государствах определения коррупции, даваемые в специальных законах, посвященных противодействию этому социальному злу, отличаются большим разнообразием и часто далеко небезупречной формулировкой.

Полагаем, что **определение коррупции** в теории и в законодательстве надо начинать с буквального толкования этого термина, позволяющего понять его смысл, основное содержание.

Так, в Толковом словаре русского языка под коррупцией понимается «моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами» [2, с. 298].

В Большом словаре иностранных слов коррупция толкуется как «использование должностным лицом своего служебного положения в корыстных целях. Продажность, взаимный сговор должностных лиц для корыстных действий» [3, с. 320].

Таким образом, в основе теоретического и, конечно, законодательного определения коррупции и ее внешних проявлений должны лежать следующие признаки:

1) **Субъектом** коррупции и коррупционных правонарушений (преступлений) является **должностное лицо**;

2) **Объективную сторону** коррупции как явления и правонарушающего поведения составляют положение в обществе и действия, выражающиеся в «**использовании** должностным лицом **своего служебного положения** в своих узкоэгоистичных интересах, по сути дела, **вопреки интересам общества и государства**. Такие действия или «**проступки, состоящие в незаконном, преступном использовании своих прав, возможностей**» [2, с. 231], следует признавать **злоупотреблением, точнее – злоупотреблением должностного лица своим служебным положением и связанными с этим «возможностями**»;

3) **Коррупция и коррупционные правонарушения (преступления)** предполагают, как это видно из буквального смысла термина «коррупция», «**продажность, взаимный сговор должностных лиц для корыстных действий**»;

4) Злоупотребление должностного лица своим служебным положением («возможностями») в коррупционных деяниях осуществляется «**в корыстных целях**» («**для корыстных действий**»), в частности, для «**незаконного обогащения**», «**взяточничества**» и «**хищения**». Указанные виды незаконных, преступных деяний должны рассматриваться как самостоятельные виды коррупционных правонарушений (преступлений). В подструктуре взяточничества основным (собственно коррупционным) преступлением следует признавать «получение взятки», где **субъектом** является **должностное лицо**, проявляющее «**продажность**» при совершении противоправной сделки с взяткодателем;

5) Коррупция и коррупционные правонарушения (преступления) являются **глубоко аморальными**, соответственно, явлением и деяниями («**моральное разложение** должностных лиц и политиков»). Учитывая это обстоятельство (признак коррупции), при подборе кадров на должность в органах государственной власти и органах местного самоуправления основное внимание, наряду со способностью

кандидата успешно осуществлять свои функции (полномочия, обязанности), следует обращать и на нравственную оценку его личности, его способность и готовность использовать свое должностное положение для совершения «корыстных действий», «в корыстных целях». Многочисленные факты свидетельствуют о том, что морально-этические характеристики кандидатов на должность, даже на самом высоком уровне власти, в современной России не играют большой роли. И на должность, где такие личные качества должностного лица, как продажность, корыстолюбие и даже алчность и любовь к роскоши, принимаются как раз такие лица. Но об этом, как бы неожиданно, вспоминают тогда, когда то или иное должностное лицо привлекается к уголовной ответственности за коррупционные преступления и возникает политическая необходимость уволить коррупционера «за утратой доверия», хотя это доверие нередко дается ему «авансом» и без должной проверки на коррупционность. Коррупционные качества кандидатов на должность могут быть даже ожидаемы в структуре власти, учитывая **системность коррупции** и нередкий **«взаимный сговор должностных лиц для корыстных действий»**.

б) Определяя коррупцию, авторы Толкового словаря русского языка указывают, что она «срослась с мафиозными структурами», т.е. «прочно соединилась, образовав одно целое» [2, с. 759] с организованной преступностью, став элементом ее структуры.

Там, где есть коррупция, система организованной преступности жизнеспособна, успешно действует. «Теневая экономика», в которой особое место занимают коррупционные доходы, обеспечивает организованным преступным структурам защиту от уголовного преследования, некую «крышу» из «оборотней» в правоохранительных и других органах власти. Срастание коррупции с организованной преступностью свидетельствует также о том, что последняя, **в свою очередь, становится необходимой характеристикой организованных форм коррупции**. Кроме того, системный характер коррупции, когда **должностные лица вступают «во взаимный сговор... для корыстных действий»**, показывает **организованный характер коррупции внутри системы государственной власти и местного самоуправления**.

Полагаем, вполне очевидно, что все специфические признаки коррупции как самостоятельного явления, которые так или иначе обнаруживаются в коррупционных правонарушениях (преступлениях), должны быть отражены в ее законодательном определении, которое должно служить юридическим основанием для формулирования системы и отдельных видов коррупционных правонарушений (преступлений). К сожалению, конструкция коррупции в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г., а также характеристика

коррупционных преступлений в уголовном законе оставляют желать лучшего.

Так, согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г., коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, посредничество во взяточничестве, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу, другим физическим лицам, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица».

Анализ этого законодательного определения показывает, что оно имеет существенные недостатки, не позволяющие ему служить нормативной базой национального уголовного, гражданско-правового, административного и другого законодательства, направленного на противодействие коррупции и коррупционным правонарушениям (преступлениям).

Во-первых, законодатель **не рассматривает коррупцию как социально-негативное и аморальное явление**, «серьезно угрожающее стабильности и безопасности общества», которое «затрагивает общество и экономику всех стран» и т.п.;

Во-вторых, начав определение коррупции **путем перечисления наиболее распространенных правонарушений (преступлений), в которых она находит, по мнению законодателя, свое внешнее выражение**, последний, наряду с составами получения взятки и злоупотребления должностными полномочиями, указывает на злоупотребление служебным положением, дачу взятки, посредничество во взяточничестве, коммерческий подкуп, которые никак нельзя признать тем или иным **«незаконным использованием физического лица своего должностного положения»**, ибо они, как правило, **совершаются недолжностными лицами**, либо не путем «использования должностного положения (полномочий)».

На возможность совершения коррупционных деяний недолжностными лицами или даже не лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, т.е. в частном секторе, указывает и та часть определения коррупции, где сказано, что коррупция может осуществляться также, как **«незаконное предоставление... выгоды... другим физическим лицам»**;

В-третьих, исходя из буквального толкования коррупции, субъектами собственно коррупционных правонарушений (преступлений) могут быть только должностные лица (должностная коррупция). Правонарушениями (преступлениями), способствующими должностной коррупции, следует считать

дачу взятки и посредничество во взяточничестве, отмывание (легализацию) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, и др. По существу, речь должна идти о «правонарушениях, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений» (ч. 1 ст. 14 Закона).

«Конвенция ООН 2003 г. против коррупции» к основным коррупционным преступлениям, совершаемым должностными лицами, относит «вымогательство или принятие соответствующим должностным лицом какого-либо неправомерного преимущества» (п. «б» ст. 15 и ст. 16), «хищение имущества с использованием своего служебного положения» (ст. 17), «злоупотребление влиянием в корыстных целях» (ст. 18), «злоупотребление служебным положением» (ст. 19) и «незаконное обогащение» (ст. 20).

Однако Конвенция ООН 2003 г. относит к коррупционным также некоторые из вышеуказанных преступлений, совершаемые **лицами, руководящими работой организации частного сектора**. Это: «вымогательство или принятие ... какого-либо неправомерного преимущества» (п. «б» ст. 21), «хищение имущества с использованием своего служебного положения» (ст. 22).

Предлагается также признать преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми должностными лицами и управленцами в частном секторе, таких преступлений, как обещание, предложение или предоставление указанными лицами какого-либо неправомерного преимущества (п. «а» ст.ст. 15, 16, 18 и п. «а» ст. 21).

К преступлениям, фактически содействующим осуществлению коррупции и совершению собственно коррупционных преступлений, Конвенция ООН относит: отмывание доходов от преступлений (ст. 23), сокрытие после совершения коррупционного преступления или неправомерное удержание имущества, полученного в результате такого преступления (ст. 24), воспрепятствование осуществлению правосудия по делам о коррупционных преступлениях (ст. 25), участие (в качестве сообщника, пособника, подстрекателя) в совершении коррупционного преступления и покушение на его совершение (ст. 27).

Исходя из определения коррупции в национальном законодательстве России, область распространения коррупционных правонарушений (преступлений) захватывает не только публичный сектор (органы государственной власти и местного самоуправления), но и частный. Следовательно, субъектами таких преступлений могут быть не только **должностные лица**, что полностью соответствует буквальному смыслу понятия коррупции, но и **«лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации»**. На это,

в частности, указывает законодатель (ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г.), перечисляя среди коррупционных преступлений злоупотребление служебным положением и коммерческий подкуп, субъектом которых выступает руководящее лицо частной организации. В этом отношении упомянутый Федеральный закон России не расходится с основными международными нормативными правовыми актами («Конвенция ООН 2003 г. против коррупции» и Конвенция Совета Европы 1999 г. «Об уголовной ответственности за коррупцию»), направленными на совместное противодействие коррупции государствами – участниками этих конвенций. Ратифицировав указанные международные нормативные правовые акты, Россия в той или иной мере согласовала в своем национальном законодательстве рекомендации к принятию странами-участницами основных видов коррупционных преступлений (различные виды злоупотреблений служебным положением или влиянием в корыстных целях, а также взяточничество и коммерческий подкуп) и других коррупционно-значимых преступлений, содействующих совершению коррупционных преступлений (отмывание доходов от преступлений, сокрытие имущества, добытого преступным путем, после совершения коррупционных преступлений и др.).

Камнем преткновения оказалось **«незаконное обогащение»** (ст. 20 Конвенции ООН 2003 г.). Россия отказалась ратифицировать положения, вытекающие из этой международной уголовно-правовой нормы, показав тем самым нежелание правящих кругов страны сделать решительные шаги в борьбе с коррупцией. Ф. Шиллер справедливо указывал: «Чтобы все спасти – нужно на все решиться. Тяжелая болезнь нуждается в решительном средстве».

Период реставрации и укрепления капитализма в современной России отличается уникальной особенностью в сферах управления и развития экономических отношений: происходило и продолжается системное обогащение чиновников с использованием своего служебного положения, нередко в соучастии или при посредничестве организованных преступных структур и других нечистоплотных людей, «умеющих жить». Прослойка неправедно богатых и супербогатых в российском обществе в основном сложилась из таких лиц. Возможность привлечения должностных лиц к уголовной ответственности за незаконное обогащение, неправомерный отказ в предоставлении, уклонение от предоставления декларации о доходах и расходах должностного лица и его близких родственников, а также за предоставление заведомо неполной либо ложной информации о доходах и расходах указанных лиц и применение в отношении виновных конфискации имущества, нажитого незаконным, а чаще преступным путем, как дополнительного вида наказания, за корыстные

преступления, способны внести перелом в борьбе с коррупцией. «Власть имущие», конечно, не пойдут на такие решительные шаги, которые способны погубить плоды их несправедных трудов, разорить их и развенчать их ложный авторитет перед народом. Вот почему борьба с коррупцией во многом остается рекламой режима, демонстрирующего народу свою честность, принципиальность и решительность.

В-четвертых, согласно Федерального закона от 25 декабря 2008 г., коррупционные деяния совершаются **«в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц...»**. Эти деяния, основаны **на корысти и их целью** является **незаконное обогащение**. Этот субъективный признак коррупции и преступлений, являющихся формой ее внешнего выражения, нашел свое адекватное отражение в легальном определении коррупции, которое дает российский законодатель. В этом отношении он поступил правильно, ибо коррупция инициирует деяния, целью которых всегда становится получение (извлечение) материальной (имущественной) выгоды (пользы) в интересах себя, третьих лиц или групп (организаций).

Коррупционные правонарушения (преступления) совершаются **по мотивам личной заинтересованности** и во всех случаях направлены на достижение **корыстной цели**. «Под личной заинтересованностью... понимается **возможность получения** государственными или муниципальными служащими при исполнении должностных (служебных) обязанностей **доходов в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц**» (ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г.). Если в результате совершения коррупционного деяния имущественную выгоду получает сам виновный, то мотивом преступления является **корыстолюбие (алчность), стремление обогатиться**. Если такая выгода предоставляется «третьим лицам» (физическим или юридическим лицам) мотивом преступления выступает **иная личная заинтересованность**, т.е. заинтересованность в приобретении неимущественных прав и благ, предусмотренных ст.ст. 128, 150 ГК РФ, другими, чаще близкими им лицами.

К сожалению, в исследуемом определении коррупции в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. **злоупотребление служебным положением** целиком отнесено к коррупционным преступлениям, хотя таковым оно может считаться только в случаях, когда лицо, выполняющее управленческие функции в организации частного сектора, использует свои полномочия «в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц», причем «выгод и преимуществ имущественного характера», т.е. дей-

ствуя с **корыстной целью**, а не «в целях... нанести вреда другим лицам», как на это указывается в диспозиции ч. 1 ст. 201 УК РФ. Едва ли можно также во всех случаях найти **корыстную цель** в таких, указанных в ч.1 ст. 1 данного Федерального закона деяниях, как **дача взятки** или **активный коммерческий подкуп**.

В-пятых, ни в данном законодательном определении, ни в остальном тексте Федерального закона ничего не говорится о **тесной связи коррупции и коррупционной преступности с организованной преступностью**, об их срастании с **организованными преступными структурами** и о том, что сама коррупция и основная форма ее выражения – коррупционная преступность в современной России стали носить **сетевой, системный и организованный характер на всех уровнях власти, внутри самой власти, дезорганизуя и деградируя существующий режим власти**.

Преступные формирования не могут обеспечить свою безопасность, не коррумпируя должностных лиц различного уровня для достижения своих целей. Эти формирования сделали ставку на подкуп продажных должностных лиц правоохранительных и других органов власти. Этому способствует и Федеральный закон «О противодействии коррупции», даже не упоминаящий о связи коррупции с организованной преступностью.

Политика законодателя – преуменьшить опасность коррупции, скрыть от масс тесную связь чиновников с организованной преступностью привела к тому, что население стало с недоверием относиться к антикоррупционной политике и деятельности российской власти, что существенно снизило роль общественного контроля в борьбе с коррупционной преступностью.

Ошибочность, размытость и противоречивость некоторых положений, характеризующих законодательное определение коррупции, не дают возможности однозначно понять цельное содержание, признаки этого явления и его внешнего предметного выражения – коррупционного правонарушения (преступления), определить его вид и уровень опасности, дающий возможность конкретизировать уголовную, административную, гражданско-правовую или дисциплинарную ответственность за его совершение и успешно его предупреждать.

Продолжение в следующем номере.

Литература:

1. Философский энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичева и др. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
2. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. Большой словарь иностранных слов. – М.: ЛОКИД-пресс, 2005. – 654 с.

**Correct Definition of Moral and Socio-Legal Nature of Corruption,
its Characteristics and Forms of Reflection in Reality as the Main Legal Prerequisite
of Successful Anti-Corruption Activity**

B.V. Sidorov, A.E. Komissarov
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper dwells upon the concept and indicators of corruption given by the legislator in the Federal law of 25.12.2008 “About anti-corruption” and in some other similar laws of the “neighboring countries”. The authors make an attempt to highlight and substantiate the necessary signs characterizing specifics of this phenomenon in the society and their reflection in corruption offenses (crimes). The definition of corruption was developed and proved. At the same time the concepts of “corruption” or “corruption in its literal sense” (“official corruption”) and the “corruption in the private sector” were differentiated and it was concluded that their impact on society was different.

Key words: corruption, corruption offenses (crimes), official, use of official position and related opportunities, property benefit, phenomenon (situation), organized crime, law, system, counteraction, fight, prevention, improvement of the legislation, etc.

